

Александр Ушаков

Ататюрк: особое предназначение

От автора

Шестнадцать лет назад я написал книгу «Феномен Ататюрка».

Книга была небольшая — всего шестнадцать печатных листов.

Это объяснялось, прежде всего, тем, что это была первая книга в нашей стране об Ататюрке, и мне приходилось собирать материалы по крупицам.

В СССР, кроме общих фраз, об Ататюрке не было написано ничего, поскольку правду писать о «Человеке XX века» было нельзя.

За эти годы появилось множество новых материалов как о жизни самого Ататюрка, что, конечно же, намного расширило представление о нем самом, и истории того времени.

И не только того, поскольку именно сейчас в Турции развернулась новая борьба между наследием Энвера и Ататюрка.

Непримиримые противники при жизни, они не закончили свой принципиальный спор и после смерти.

В новой версии жизни Ататюрка я попытался более полно рассказать о человеке, который пришел

в этом мир не тешить себя несбыточными утопиями и наслаждаться абсолютной властью, а человека с молодых ногтей почувствовавшего свое высокое предназначение.

О человеке, для которого вся его жизнь стала служением Родине.

Ататюрк прожил сложную жизнь в такое же сложное время, и чаще всего политик в нем побеждал человека.

Не все было безоблачно в его жизни, и он разрушал старое всеми доступными, а когда надо, то и недоступными способами.

Но... судите по делам его...

В новой версии жизни Ататюрка я постарался привести как можно больше интересных фактов не только из жизни самого Ататюрка, но и из османской и новейшей турецкой истории.

Особенно той ее части, где рассказывается о его непростых отношениях с Москвой, которая много сделала для его победы.

Более того, я попытался не только более подробно рассказать о жизни Ататюрка, но и осмыслить его появление на политической сцене в столь необходимое для его страны время с философского взгляда на Историю.

Вместо предисловия «В тот вечер была сильная снежная буря...»

I

Али Риза положил на могилу последний камень и взглянул на застывшую в скорбном молчании жену.

— Теперь, — произнес он, — они не достанут его...

Зюбейде не ответила.

У похоронившей очередного сына матери не только слов, слез не осталось.

А если к ним прибавить еще и умершую в раннем детстве Фатиму...

Али Риза вздохнул.

Что там говорить, Чай-агзы оказался для них гиблым местом.

Дикая природа, жалкая хижина в горах, постоянные угрозы контрабандистов, потеря Омера, вырытого из могилы шакалами, и вот теперь новая напасть — смерть Ахмета.

Нет, больше им оставаться здесь нельзя.

Скорее в Салоники, где готов их новый дом.

Пора и им зажечь по-человечески.

И черт с этой приносившей только одни

несчастья должностью начальника таможенного поста.

Если так пойдет и дальше, то скоро у него не останется и жены.

Сказано — сделано!

И вот уже позади тревожные ночи и вой шакалов, забывалось и горе.

Зюбейде снова забеременела, и семья жила в радостном ожидании появления наследника.

И он появился.

Да еще какой!

С белым лицом, голубыми глазами и светлыми шелковистыми волосами.

И, глядя на уже успевшее стать для нее дорогим личико сына, счастливая мать от всей души благодарила не оставившего ее своими заботами Всевышнего.

Куда прохладней своей правоверной супруги относившийся к Аллаху Али Риза тоже был готов уверовать в его всемогущество в эту радостную для него минуту.

Ласково потрепав малыша по щечке, он выхватил из ножен саблю и описал ею над его колыбелью широкий круг, отгоняя от новорожденного злых духов.

На радостях никто не удосужился записать, в какой же день декабря 1881 года родился Мустафа.

Впрочем, особой необходимости в этом не было, поскольку у мусульман не принято отмечать дни рождения.

Официальных записей в старой Турции не велось, и рождение ребенка обычно отмечали на пустой странице Корана или на полях жития какого-нибудь святого.

Неясность, окружающая дату рождения Кемаля, не является чем-то исключительным.

«Я не знаю точную дату моего рождения, — пишет в своих «Мемуарах» один из высокопоставленных турок, родившийся в конце XIX века, — так как дни рождения не отмечались в то время.

Во многих семьях обычно записывали дату рождения детей на листочке, хранящемся в семейном Коране, но я не смог обнаружить следов своего рождения.

Когда я задавал этот вопрос матери, она всегда отвечала:

— Ты родился, когда начал созревать виноград...»

Точная дата рождения Ататюрка неизвестна.

Официальная «История Турецкой Республики», опубликованная в 1935 году, указывает 1880 год.

Лучший биограф Кемаля, Шевкет Сюрейя Айдемир, придерживается иной даты — 14 января

1881 года.

Другой турецкий биограф Кемаля считает датой его рождения 23 декабря 1880 года.

Сам Ататюрк символическим днем своего рождения считал 19 мая.

Именно в этот день в 1919 году он прибыл в Самсун, чтобы начать борьбу за Независимость.

И именно в этот день Турция празднует День молодежи и спорта республики.

Что же касается его родных, то Али Риза покинул этот мир задолго до того, как его сын стал великим, а Зюбейде-ханым могла вспомнить только то, что ее сын родился в то самое время года, которое у мусульман принято называть «эрбаин», что означает сорокадневные холода.

Родившаяся в 1885 году сестра Кемаля, Макбуле, вспоминала слова матери о том, что Мустафа «появился на свет в тот вечер, когда была сильная снежная буря».

Если это было так, то Ататюрк родился во время сорокадневного «хальвета», больше известного в народе как «чилле» или «эрбаин».

Это слово означает «уединение, удаление от мира, затворничество», а в переносном смысле — «таинство уединения» или «пребывание наедине с Богом».

Точно также называлось знаменитое суфийское братство, известное во многих

исламских странах Востока.

Излюбленной практикой последователей этого тариката был особый вид уединения.

Все сорок дней «хальвета» дервиши оставались в своих помещениях и питались медовым шербетом и лепешками.

Именно таков был их путь физического и духовного очищения...

II

Была в рождении Мустафы и еще одна тайна.

Тайна происхождения.

Как только Ататюрк стал играть заметную роль в политической жизни Турции, так сразу же появились версии о том, что его семья происходит из секты дёнме, одним из центров которой были Салоники.

Дёнме в Османской империи называли принявших ислам евреев.

Основателем секты был мистически настроенный раввин Шабтай Цви, который появился в Измире в 1648 году и провозгласил себя мессией.

Как мессии, считал он, ему разрешалось отменить прежнюю Тору и ввести новые законы и обычаи.

За свои радикальные действия Шабтай был

изгнан из Измира, странствовал по другим еврейским общинам Османской империи и к началу 1660-х годов собрал множество последователей.

В 1666 году Цви был арестован и поставлен перед выбором: либо он примет ислам, либо будет казнен.

Шабтай выбрал первое и создал секту дёнме, что в переводе с турецкого значит «отступник».

Многие последователи Шабтая Цви в Салониках восприняли переход их учителя в ислам как часть мессианского плана и тоже перешли в ислам.

К 1912 году в Салониках, по разным оценкам, было около 15 тысяч дёнме.

Они жили в своем квартале, у них были свои школы и отдельное кладбище.

Что же касается Али Ризы, то достаточно посмотреть на его фотографию, дабы понять, что никаким евреем он не был.

Мать?

Да, была похожа.

В «Еврейской энциклопедии» о Кемале сказано: «Ататюрк родился в Салониках и потерял отца еще ребенком».

О его религиозной и национальной принадлежности точных сведений нет.

А вот спекуляций хватало.

Согласно одной из них, в августе 2007 года

президент Израиля Эзер Вейцман приехал в Турцию на торжества, посвященные памяти Ататюрка.

Накануне визита его пресс-секретарь Кейнан встретила с израильской журналисткой Хиллел Халкин.

— Как ты думаешь, — спросила та, — известно ли президенту о том, что у Ататюрка еврейские корни и при каждой возможности он читал еврейские молитвы?

— Не знаю, — пожала плечами пресс-секретарь. — Я могу ему рассказать об этом, но все дело в том, насколько достоверны эти сведения.

Халкин ответила, что пришлет по факсу имеющуюся у нее статью.

«Слухи о еврейском происхождении Ататюрка, — говорилось в ней, — распространялись с его ранних лет.

Он отрицал их, заявляя, что слухи эти несостоятельны.

Тем не менее, он внимательно следил за всеми публикациями и разговорами на эту тему».

Старший сын предтечи современного еврейского языка Элиазара Бен Иегуды писатель и журналист Итамар Бен-Ави, рассказывая о своем визите в Иерусалим осенью 1911 года, упоминает о своей беседе с хозяином гостиницы.

— Видишь турецкого офицера с рюмкой водки в руке? — спросил тот.

— Да, вижу... И что?

— Это высокопоставленный офицер турецкой армии...

— Как его зовут?

— Мустафа Кемаль.

Бен-Ави подошел к Кемалю и завел разговор об османской политике. Во время беседы Мустафа Кемаль сказал:

— Я последователь Саббатая Цеви. Я на самом деле не еврей, но восхищаюсь этим апостолом-спасителем и хотел бы, чтобы каждый еврей принимал его, как я...

Во время той же беседы Мустафа Кемаль подтвердил слухи о своем происхождении, сказав:

— Дома у меня есть еврейская Тора, напечатанная в Италии, я и сегодня помню молитвы из нее... *Shema yisrael, Adonai Eloheni, Adonai Ehad!* (Слушай, Израиль, Бог наш единый!)

— Это наша главная молитва, капитан...

— Самое главное для вас — тайна для меня, уважаемый господин...

У Ататюрка были веские причины скрывать свои корни не только потому, что к секте дёнме пренебрежительно относились и евреи, и мусульмане, но и потому, что она считала незаконными все браки и сексуальные отношения

вне общины».

Думается, что весь этот рассказ чистой воды выдумка, рассчитанная на дешевую сенсацию.

Как нет и, наверное, не будет ни одного великого человека, о рождении и смерти которого бы не ходили легенды.

И если им верить, то отцом Наполеона был граф де Марбеф, Иван Грозный был сыном боярина князя Овчины-Оболенского, а его мать отравили злобные бояре.

Да и с Петром Первым было не все так однозначно.

Но все это по большому счету мелочи.

Главное было в том, что эти люди сделали.

Что же касается своей национальности, то сам Ататюрк говорил:

— Многие считают меня евреем, но я не вижу в этом ничего страшного. Наполеон был корсиканцем, но сделал для Франции куда больше всех французов, вместе взятых...

Зачем надо было поднимать тему о якобы еврейском происхождении Ататюрка?

Думается, это было сделано по политическим мотивам, поскольку принадлежность к дёнме давала возможность противникам Ататюрка обвинять его во всех смертных грехах при его попытках сломать традиционный мусульманский уклад турецкого общества.

Более того, сторонники султаната будут много говорить и о том, что младотурецкая революция была совершена на еврейские деньги и преследовала интересы той еврейской тайной ложи, членами которой были многие лидеры комитета «Единение и прогресс».

А, значит, и совершенная ими революция была частью мирового еврейского заговора.

Выставив Ататюрка ставленником еврейского масонства, можно очень многое в истории новой Трущии объяснить в удобном для авторов подобных тенденций свете.

Впрочем, существует и еще одна версия происхождения Ататюрка, согласно которой, его отец был наполовину серб — наполовину албанец, а мать — наполовину албанка — наполовину македонка.

Об этих загадках заговорят через три десятка лет, а пока мало кого интересовавший, кроме своих родителей, малыш и не думал умолкнуть.

Зюбейде-ханым выпроводила мужа из комнаты и, наклонившись над колыбелью младенца, начала тихонько напевать:

— Спи, мой серенький волчок...

И... странное дело!

Словно вняв просьбе матери, малыш умолк, дыхание его стало ровнее, и через минуту он уже видел свой первый в жизни сон.

А Зюбейде-ханым смотрела и никак не могла насмотреться на уже ставшее для нее таким дорогим личико.

Но вот начали слипаться и ее глаза, голова склонилась на грудь, и через несколько минут она заснула.

III

Думается, что во всей во всей этой истории с рождением Ататюрка куда интересней его якобы еврейского происхождения другое: весьма своевременное появление будущего отца турок на этот свет.

Не вдаваясь особенно в мистику, нельзя не заметить, что великие люди, как правило, рождаются именно тогда, когда им это и предписано Историей.

Юлий Цезарь, Александр Македонский, Иван III, Петр Великий, Кромвель, Наполеон...

Эти имена говорят сами за себя.

И Ататюрк не составил исключения в этом ряду.

По извечной иронии судьбы будущий «отец турок» родился чуть ли не в тот самый день, когда и без того дышавшая на ладан империя, получив от Запада очередную звонкую пощечину, утратила контроль над своими финансами.

Как это ни печально, но это было закономерно.

«Больной человек Европы»...

Именно так стали называть Османскую империю с середины XIX века.

Считается, что во время обсуждения накануне Крымской войны «восточного вопроса» с британским послом Сеймуром так назвал слабеющую державу державу российский император Николай I.

Как случилось так, что могучая империя, которой пугали детей, смертельно заболела?

Да, очень просто: прекратила воевать.

А, вернее, завоевывать.

Сказано было одним умным человеком, что закат империи начнется в тот самый момент, как турок слезет с коня.

— Мудрость, — говорили османы, — на кончике ятагана...

И он слез с него, поскольку вечно завоевывать невозможно.

— Нацию, побеждающую только мечом, — скажет через несколько десятков лет только что родившийся ребенок, — в конце концов, изгоняют с занятых ею территорий, подвергают уничтожению, она становится несчастной и жалкой. Нищета и бедствия такой нации столь огромны и ужасны, что даже в собственной стране она может оказаться в

безнадежном и рабском положении. Поэтому настоящие завоевания совершаются не мечом, а сохой. Соха — вот то орудие, которое дает нациям возможность обосноваться, закрепиться на родной земле. Соха — это не меч. Чем больше ею действуют, тем сильнее становится нация. Рука, действующая мечом, быстро устаёт, а рука, действующая сохой, делается с течением времени все больше и больше хозяином земли. Меч и соха — это два фатиха-завоевателя, и первого из них всегда побеждал второй. Это подтверждается всеми событиями истории, всеми наблюдениями и жизненными примерами...

Конечно, империю пытались лечить.

Реформами.

Но... ничего не вышло, поскольку организационно заточенная под войну имперская машина в мирное время буксовала.

И не могло выдти.

«Это, — писал по поводу вестернизации османских реформ К.Маркс, — означает полное отделение государства от церкви, религии и от политики.

Но турецкое государство, как все восточные государства, имеет своей основой теснейшее переплетение и чуть ли не отождествление государства и церкви, политики и религии.

Коран являлся для Османской империи

одновременно источником веры и закона.

Но возможно ли уравнивать в правах перед Кораном правоверного и гяура, мусульманина и райю?

Это непременно означало бы на деле — заменить Коран новым гражданским кодексом, другими словами... разрушить структуру турецкого общества и создать на его развалинах новый порядок вещей».

Ту же самую мысль выразил и турецкий историк М.Кара, только более остроумно.

«Вестернизация, — отмечал он, — начавшаяся с приходом XIX века и предусматривавшая соединить воедино два совершенно различных мира в один, напоминала попытки приладить две разные головы одному человеку».

Не везло империи и с султанами, и после Сулеймана Великолепного правителя от Бога, за исключением, может быть, Махмуда II, в ней не было.

И никакая конституция, о коей мечтали «новые османы», как называли первое поколение турецких революционеров, была не в силах изменить положение.

Почему?

Да только потому, что все эти революционеры были пусть и новыми, но все же еще османами, и

никто из них не только не замахивался на основы османской государственности, но даже не осмеливался подвергнуть сомнению само ее существование.

Никто из них даже не задавался самым главным вопросом: а можно ли реформировать империю?

Ведь любая империя — это сшитое из лоскутов одеяло, которое никогда не было объединено единой верой и интересами.

А значит и целью.

И укрепление империи для завоеванных ею народов означало их дальнейшее закабаление.

При каком условии могла вырваться из турецкого ига Болгария?

Только при ослаблении Османской империи до известных пределов.

А реформы призывали раба всячески укреплять положение его господина.

Нонсенс...

Так, советская власть в Прибалтике была установлена в 1940 году, и все пятьдесят один год ее существования прибалтийские государства мечтали только о том, как выдти из состава советской империи.

Любая империя держится на силе.

Но рано или поздно эта сила идет на убыль, и тогда турки завоевывали Константинополь, а

«братские» республики бежали из состава Советского Союза.

А ведь Римская империя была посильней Османской.

Да и СССР имперской слабостью вначале своих далеко не славных дел не страдал.

Ведь это только для студентов шествие советской власти по стране называлось триумфальным.

На самом деле это было шествие с огнем и мечом.

Чего только в этом отношении стоили республики Закавказья, залитые кровью людей, не желавших на своей земле никаких советов.

И было бы очень интересно услышать доказательства того, что Эстония и Таджикистан жили одними интересами.

А в то время, когда в Туркмении приписывали урожаи хлопка, в Грузии процветала теневая экономика.

Если называть вещи своими именами, то советская империя столкнулась с теми же самыми непримиримыми противоречиями, с каким сталкивалась во времена своего распада любая империя.

Поэтому никакая перестройка не могла спасти СССР.

По той простой причине, что невозможно

«перестроить» жизнь и экономику целых 16 государств, давно уже живших своей отдельной от других жизнью.

Это было невозможно сделать и по той самой причине, о которой говорил Маркс в отношении Османской империи.

Только у коммунистов вместо Корана было свое Священное писание — научный коммунизм.

И осуществление перестройки с опорой на научный коммунизм означало то же самое соединение двух голов на одном теле.

Поскольку руководящая роль давно уже лишенной выдающихся деятелей партии не просто тормозила развитие страны, она мешала ей.

И если во главе государства ставили таких людей, как Черненко и Горбачев, то говорить о дальнейшем было бессмысленно.

Сталин?

Не смог бы и он.

Не хватило бы колючей проволоки.

Да и время его ушло.

— Обратим взоры на ту эпоху, — скажет по этому поводу сам Ататюрк, — когда оттоманское государство, основанное на развалинах сельджукского султаната, владело в Стамбуле короной и тронем Восточной римской империи. Среди оттоманских венценосцев были такие, которые пытались основать грандиозную империю,

завоевав Германию и Западный Рим. Один из этих властителей мечтал объединить весь мусульманский мир вокруг одного центра и отсюда руководить и управлять им. С этой целью он завладел Сирией и Египтом и принял звание халифа. Другой султан преследовал двойную цель: завладеть частью Европы и, с другой стороны, подчинить своей власти и своему правлению мусульманский мир. Постоянные контрнаступления Запада, недовольства и восстания в мусульманском мире, а также взаимное непонимание между различными национальностями, которая эта завоевательная политика искусственно объединила в одних границах, — все это привело к конечному результату: Оттоманская империя, подобно многим другим, стала достоянием истории...

Но никому из реформаторов не пришла в голову такая простая мысль о том, что реформация любой империи есть не что иное, как ее распад на национальные государства.

Другое дело — сменить слабого султана на сильного.

И после долгой подковерной борьбы сменили!
Сразу двух.

Само собой разумеется, что ни о каком предоставлении свободы завоеванным странам не шло и речи.

Да и зачем?

Ведь все они «дети одной родины», османы, и конституция была лучшим тому подтверждением, поскольку политической концепцией «новых османов» стал османизм, или оттоманизм.

Они провозглашали необходимость реформирования Османской империи по европейским стандартам: введение конституционного правления, созыв парламента, установление либеральных свобод.

Они выступали против колониальной политики Запада, за независимое развитие Османской империи.

Как того и следовало ожидать, ставка на нового султана не оправдалась.

Второй сын султана Абдул-Маджида I, от жены черкешенки Тири-Мюжгян Кадын эфенди к 16-ти годам жизни с отличием овладел исламскими и мирскими науками.

Будущий император получил великолепное образование.

Особенно хорошо он знал военное дело.

Обладая великолепной памятью, Абдул-Хамид свободно владел несколькими языками, был равнодушен к поэзии и музыке.

Особенно он любил оперу, которая покорила будущего халифа во время его путешествий по Европе.

Для Османской империи подобное искусство было чем-то непонятным и чужеродным, но Абдул-Хамид приложил немало усилий для его развития на родине.

Он даже сам написал оперу и поставил её в Стамбуле.

Молодой принц проявлял большой интерес к науке.

Основатель Германской империи, канцлер Отто фон Бисмарк, так сказал о нем:

— Если на земле есть 100 граммов ума, то 90-ми из них владеет его величество, султан Абдул-Хамид Хан, 5-ю владею я, остальными 5-ю — все остальные...

Когда 31 августа 1876 года Абдул-Хамид вступил на престол, никто не мог и предположить, что именно этот утонченный любитель оперы станет создателем самого кровавого режима в истории Османской империи, который унесёт тысячи жизней.

Абдул-Хамид II обнародовал конституцию, но умудрился получить при этом чрезмерно обширные права.

Если выразаться современным языком, новый султан «кинул» поверевших в него «новых османов» и пошел с ним на сделку только с одной целью: получить власть.

А получив ее, расправился с лидерами «новых

османов» и с самой конституцией, разогнав в феврале 1878 года парламент и установив в империи мрачную деспотию, которая вошла в историю под название «зулюм».

«Отец турецкой конституции» Мидхат-паша, благодаря которому султан получил престол, был обвинен в участии в заговоре и приговорен к смерти.

Помилованный по настоянию держав, он был сослан в Аравию, где вскоре умер.

Подобно своим предшественникам, Абдул Хамид сумел снова стать абсолютным монархом.

Он не был обскурантом, и его правление было отмечено многими прогрессивными реформами.

Но он был нетерпим ко всему, что хоть как-то стесняло его султанскую власть.

Несмотря на все свое образование и ум, Абдул Хамид, подобно своим предшественникам, так и не мог до конца правления понять, что такое национальные права.

В Османской империи ни одна нация не имела привелегий, в том числе и турецкая.

Именно поэтому для османов происхождение ничего не значило.

Только заслуги, преданность и личные достоинства.

И процветал тот, кто умел крикнуть громче всех во время штурма вражеской крепости, ударить

сильнее саблей, растопать наибольшее количество врагов, растолкать локтями всех вокруг, лезть напролом без стыда и совести, лишь бы только во славу Аллаха и на пользу и услужение султану.

Жесткость не удивляла никого — все османы были жестоки.

Каждый нищий мог стать великим визирем, вчерашний раб — царским зятем.

Ведь сказано в Писании: «Разве же у них лестница не до неба?»

Будучи мусульманином, успеха на государственной службе мог добиться кто угодно: албанец, грек, армянин, араб, черкес, курд.

Более того, как это ни парадоксально, турки-анатолийцы считались презренной чернью.

«Назвать турком жителя Османской империи, — отмечал в 1840 году Франс Жуаннен, — это означало нанести ему глубокое оскорбление».

И ни один султан так толком и не смог понять, зачем Греция, Босния и Герцеговина, Румыния, Болгария, Кипр требовали от них национальные права.

За национальные права выступали и европейские державы, защищая соглашения, заключенные с Османской империей в период ее процветания и предоставляющие иностранцам право занимать должности, иметь своих судей и

пользоваться налоговыми льготами.

Не был в этом ряду исключением и Абдул Хамид.

Как и всякий диктатор, он особое внимание уделял настроениям в обществе, сформировав для этого широкую сеть внутреннего шпионажа.

Работа шпионов и доносчиков, зачастую передававших заведомо ложную информацию, напрямую курировалась органами исполнительной власти.

Режим зулюма обернулся для империи взрывом реакции, фактической отменой всех завоеванных ранее прав и гарантий личности, разгулом беззакония и произвола, взяточничества и казнокрадства, доносов и арестов.

Пресса была либо закрыта, либо поставлена под строгий надзор цензуры.

Полурегулярная кавалерия «хамидие», исполнявшая жандармские функции и состоявшая из башибузуков, наводила страх на население, особенно в нетурецких районах империи, где произвол и насилие порой оборачивались страшными погромами с десятками тысяч беззащитных жертв, как то произошло в турецкой Армении осенью 1894 году.

Беззащитной перед лицом реакции оказалась и слабая система светского образования: школьные учебники подвергались строгой цензуре,

специальные средние учебные заведения и Стамбульский университет являли собой жалкое зрелище и временами закрывались вовсе.

На всех получивших европейское образование смотрели косо, как на неблагонадежных.

Венцом системы зулюма стало ее идеологическое обрамление — доктрина панисламизма, ставившая султана-халифа главой всех мусульман.

Сам султан видел в панисламизме лишь хорошее средство укрепления собственной власти в империи и поддержки этой власти за пределами страны.

Неудивительно, что на практике панисламизм скоро превратился в сугубо реакционную идеологию, сила и влияние которой в мире и империи уменьшались по мере упадка власти султана.

Появилась беспрецедентная по своему размаху машина государственной пропаганды, чья задача сводилась к превозношению режима и нагнетанию нетерпимости по религиозному признаку внутри общества империи в рамках новой государственной идеологии — панисламизма.

Провозглашая себя лидером мусульман мира, опираясь на мусульманское большинство в самой Турции, Абдул-Хамид II старался подавить представителей иных конфессий.

Обострился и национальный вопрос, и именно к периоду Зулюма относится начало преследования этнических меньшинств и, прежде всего, армян.

Серия убийств армян 1894–1896 гг. предзнаменовала надвигающийся геноцид.

Установив военно-полицейский режим в государстве, Абдул-Хамид II ввергнул империю в деспотию и тормозил её развитие.

Результаты не заставили себя ждать, и всего через три года после его вступления на престол Турция объявила себя банкротом.

Европейские государства-кредиторы мгновенно учредили ведомство Оттоманского долга и установили над страной финансовый контроль.

По сути дела это был смертный приговор.

По большому счету вопрос стоял даже не о деньгах, а о самом существовании Турции, поскольку «больного человека» не добивали по весьма прозаической причине: интересы слишком уж многих европейских стран пересекались в Османской империи.

Но было понятно и то, что рано или поздно, эти интересы начнут проводиться в жизнь.

Являвшая собою самые настоящие авгиевы конюшни, Османская империя давно нуждалась в своем собственном Геракле, ибо простым смертным на таких крутых поворотах истории подобные

подвиги были не под силу.

Спасти империю не мог уже никто, а вот создать на ее дымящихся развалинах новое государство могло только чудо, или сказочный герой.

Почему сказочный?

Наверное, потому, что вылечить больного можно было только, оторвав у него мешавшую ему голову и создав на его все еще больном теле «новый порядок вещей».

Иными словами, совершить то, что простым смертным не дано.

И он появился, и не сказочный, а настоящий.

Его появление можно было назвать Провидением, требованием гегелевского Высшего разума, велением Истории, как угодно!

Но главное было в том, что он пришел в этот уже очень скоро ставший для него таким тесным мир.

В отличие от перевернувших в угоду Ленину учение Маркса большевиков, он на практике доказал правильность его теоретических рассуждений о развитии турецкого общества.

Заменил, разрушил и создал.

Заменил Коран, разрушил основы старого общества и на их руинах построил новое государство.

Но все это будет потом.

И, конечно, продолжавший бодрствовать Али Реза, не мог даже и помыслить о том, что, если сто с лишним лет спустя его более чем скромное имя и будет упоминаться в книгах, фильмах и учебниках истории, то произойдет это только благодаря тому самому малышу, который мирно посапывал в соседней комнате.

Ведь ни он сам, ни его жена ничего особенного собой не представляли.

Так, самые обыкновенные македонские турки.

Отец Али Ризы был коренным жителем Салоник и отличился единственно тем, что в 1876 году принял участие в стихийном возмущении мусульман, в результате которого были убиты французский и германский консулы.

Опасаясь ареста, дед Мустафы вынужден был скрываться в горах, где и умер семь лет спустя.

Куда больше в Салониках был знаменит дядя Али Ризы по отцовской линии, Мехмед, работавший учителем начальной школы.

Выделялся он необычайным цветом бороды и знанием Корана, за что и получил прозвище Кырмызы Хафыз — Красный знаток Корана.

А вот сам Али Риза особыми талантами не блистал, а посему и перебивался в должности мелкого чиновника.

Сначала в управлении мусульманскими

религиозными обществами — вакуфами, а затем в таможенном ведомстве.

В 1874 году он был назначен комендантом таможенного караульного поста на турецко-греческой границе в поселке Чайагзы, куда по бурным горным рекам сплавлялся с отрогов Олимпа заготовленный на экспорт лес.

Али Риза должен был бороться с контрабандой, и занятие это было не только весьма беспокойным, но и в высшей степени небезопасным.

Если с чем ему и повезло, так это с женой.

Однако успешно занимавшийся торговлей и имевший свою землю отец невесты мечтал о куда более выгодной партии для своей дочери и встретил предложение мелкого чиновника в штыки.

И только заступничество давшего бедному жениху на положенный в таких случаях выкуп деньги сводного брата невесты Хуссейна-аги помогло тому сломить сопротивление непреклонного родителя.

С будущей женой Али Риза увиделся только на свадьбе и остался очень доволен увиденным.

Совсем еще юная, всего пятнадцать лет, Зюбейде, с ее редкими для турчанок светлыми волосами и голубыми глазами, была куда как хороша.

После свадьбы Зюбейде поселилась в

родительском доме Али Ризы, а он сам отправился в Чайагзы.

Но уже очень скоро, не выдержав отдельной жизни с молодой и красивой женой, он увез ее в свое глухое горное селение.

И хотя Зюбейде-ханым совсем не горела желанием сменить благоустроенный городской дом на убогую хижину в горах, перечить мужу она не осмелилась и, наступив на горло собственной песне, отправилась в добровольную ссылку.

За прожитые в быстро осточертевшем Зюбейде Чайагзы три года у них родилось двое сыновей, но Всевышний призвал их к себе.

И вот теперь все их надежды были на только что появившегося на свет Мустафу.

Али Риза еще раз поздравил себя с рождением сына, выпил последнюю рюмку и через несколько минут уснул.

Оставим счастливое семейство и мы.

Но уже очень скоро мы снова вернемся к маленькому Мустафе и вместе с ним проживем, может быть, не очень долгую, но насыщенную событиями жизнь, вместе с ним познаем горечь поражений и радость побед, тоску одиночества и мучительные раздумья...

Книга первая

РОДИНА И СВОБОДА

Невелика ценность человека, думающего больше о самом себе, нежели о счастье родины и нации.

Мустафа Кемаль Ататюрк

Глава I

Как и солдатами, великими не рождаются, и, словно подтверждая эту простую истину, маленький Мустафа ничем не напоминал собою будущего героя, а если чем и отличался от своих сверстников, так это только еще большей капризностью и непослушанием.

Но ослепленная любовью мать прощала ему все и спешила исполнить любую его просьбу.

А стоило ей только повесить на сына голос, как в его глазах мгновенно загорался недобрый огонь, и тогда ей казалось, что на нее смотрит не маленький ласковый волчонок, а способный на все матерый волк...

Пройдут годы, и уже совсем другие люди отметят удивительную способность глаз Мустафы менять свою окраску в зависимости от испытываемых им чувств.

Темневшие в минуты хорошего расположения духа, они становились почти стальными в минуты наивысшего нервного напряжения, как это бывало

на фронтах.

«Глаза, дающие тон всему его облику, — писал в своих воспоминаниях полпред РФСР в Турции С.Аралов, — стальные, выражающие сильную волю.

Мне приходилось присутствовать при решении м боевых задач: тогда его глаза, казалось, не видели собеседника».

Когда мальчику исполнилось всего шесть лет, между родителями разгорелись ожесточенные споры о его будущем.

Правоверной из правоверных Зюбейде-ханым хотелось видеть сына духовным лицом, а куда более просвещенный Али Риза горел желанием отдать его в светскую школу.

— Отец мой, — вспоминал Ататюрк, — придерживался либеральных взглядов и прозападной ориентации, не принимал никакой религии. Он предпочитал светские школы в отличие от матери, которая настаивала на том, чтобы я получил мусульманское религиозное образование...

Дабы не обижать жену, Али Риза принял соломоново решение.

В положенный день ходжа отвел Мустафу в медресе, а через неделю отец перевел его в знаменитую на все Салоники светскую школу Шемси-эфенди.

И больше всех этому переходу радовался сам Мустафа.

Уж очень ему не понравилось сидеть на коленях в полутемной комнате и, заучивая наизусть суры, то и дело получать удары указкой от ходжи.

Но существует и другая версия перехода Мустафы в светскую школу.

Согласно ей подрастающий волчонок впервые показал свои острые зубы и в одно далеко не такое прекрасное для матери утро наотрез отказался ходить в медресе.

Для Зюбейде-ханым это было настоящим ударом, и чего она только не делала, чтобы наставить взбунтовавшегося сына на путь истинный.

И грозила, и требовала, и умоляла.

Но Мустафа был непреклонен.

И кто знает, может быть, именно эти часы, проведенные в полутемной комнате за насильственным изучением сур, породили в мальчике ту неприязнь к служителям культа, которую он пронес через всю свою жизнь.

Матери пришлось уступить, и, к великому ее огорчению, белоснежное одеяние, ветка вербы и позолоченный тюрбан за их полной ненадобностью были навсегда убраны в старый шкаф.

Маленький бунтарь с превеликим удовольствием отправился в светскую школу того

самого Шемси-эфенди, о которой говорил Али Риза на памятном для всех семейном совете.

Конечно, его новой школе тоже было далеко до совершенства, но по сравнению с медресе это был шаг вперед.

Очень скоро Шемси-эфенди во весь голос заговорил о необычайном математическом таланте мальчика.

Не уступал он своим сверстникам и в других науках, на лету схватывая то, что с трудом давалось другим детям.

Но, как это ни печально, учился Мустафа недолго.

От чахотки умер потерпевший фиаско во всех своих коммерческих начинаниях и постоянно топивший свое горе на дне бутылки Али Риза, и семья оказалась на грани нищеты.

Чиновничья пенсия составляла сущие гроши, и, дабы хоть как-то сводить концы с концами, Зюбейде-ханым стала сдавать часть дома.

Денег все равно не хватало, и увязшая в долгах вдова была близка к отчаянию.

И, как это часто бывает, помощь подоспела с совершенно неожиданной стороны.

Вместе с Мустафой и его младшей сестрой отчаявшуюся женщину пригласил к себе ее сводный брат Хуссейн-ага, который работал управляющим крупного поместья в каких-то

двадцати пяти километрах от Салоник.

Правда, и по сей день остается неизвестным, на самом ли деле испытывал приложивший руку к несчастливому браку Зюбейде-ханым «братец» угрызения совести, или был, как поговаривали злые языки, весьма равнодушен к голубым глазам своей названной «сестрицы», выглядевшей, несмотря на пять родов, достаточно привлекательной.

Как бы там ни было, так своевременно последовавшее предложение было принято, и совершенно неожиданно для себя маленький Мустафа оказался в деревне, где царили первозданная тишина и полное отсутствие каких бы то ни было занятий.

Очень скоро сельская идиллия начала угнетать мальчика, чья деятельная натура настоятельно требовала хоть какого-нибудь занятия.

Но когда его дядька нашел ему таковое, Мустафа только презрительно скривил губы.

Ему совсем не улыбалось гонять ворон с полей, и он стал еще более дерзким и неуправляемым.

Понимавшая состояние сына мать не обижалась.

Да, чистый воздух и хорошее питание стоили дорогого, но и они не могли заменить чтения книг и общения с образованными людьми.

Дабы хоть чем-то занять сына и дать выход его постоянно бившей через край энергии, Зюбейде-ханым устроила его в расположенную в соседнем селе христианскую школу.

Но и здесь ее ждало разочарование: у мальчика не было ни малейшей охоты изучать старые и новые заветы из пришедшей на смену Корану Библии.

Ее взор упал на местного письмоводителя, но уже с первых уроков тот проявил такое невежество, что изумил им даже маленького Мустафу.

Договор был расторгнут, и... снова началось вынужденное безделье.

А где-то в школах скрипели перья, исписывались тетради и сверстники Мустафы уходили все дальше и дальше по ведущей в просторные чиновничьи кабинеты светлой дороге знаний.

В деревне время явно замедлило свой бег, и каждый проведенный в битве с воронами день все дальше отдалял Мустафу от намеченного ему матерью светлого будущего.

И ей не осталось ничего другого, как отправить сына в Салоники, в рюшдие — среднюю гражданскую школу, созданную правительством в Салониках, как и в других главных центрах империи...

Соскучившийся по занятиям Мустафа

принялся поражать учителей своими недюжинными способностями и непостижимым умением схватывать все сказанное ими на лету.

Но и на этот раз Зюбейде-ханым недолго радовалась успехам сына, прошло всего два месяца, и он снова оказался не у дел.

За ссору с одним из учеников его жестоко избил помощник директора школы Каймак Хафыз, и тетка Мустафы забрала его из ненавистой ей светской школы.

И напрасно возмущенная его поступком мать требовала вернуться в школу.

Мальчик только хмурился и смотрел на нее своими удивительными глазами, в которых горели так пугавшие ее огоньки.

В школу возвращаться он отказался, несмотря на все ее увещевания и мольбы.

И только когда ее требования стали совсем нестерпимыми, Мустафа приподнял завесу тайны.

— Хорошо, — с каким-то поразившим Зюбейде-ханым спокойствием произнес он, — я вернусь в Салоники, но только для того, чтобы рассчитаться с Каймаком!

Испуганная его решительностью мать настаивать на возвращении в школу перестала.

В том, что Мустафа способен исполнить свою далеко не детскую угрозу, Зюбейде-ханым не

сомневалась.

Была в нем какая-то непонятная ей сила.

Снова потянулись однообразные деревенские будни с их вынужденным бездельем, и снова Зюбейде-ханым потеряла с таким трудом обретенный ею покой и целыми днями размышляла о будущем сына.

Но на этот раз Мустафа не пожелал идти у нее на поводу и, к великому огорчению матери, пожелал стать... военным.

— Ты помнишь, какой подарок сделал тебе отец по случаю моего рождения? — спросил он мать.

— Саблю, — ответила мать.

— Куда ты поместила эту саблю?

— Над твоей колыбелью.

— Это означает, что отец хотел, чтобы я стал военным! — торжествуяще воскликнул Мустафа. — Да ты и сама мне не раз говорила об этом, — неожиданно улыбнулся он.

Мать только покачала головой: надо же так все перевернуть!

А все дело было в том, что храбрец Мустафа в детстве страшно боялся мышей.

И когда он при виде их вздрагивал, мать успокаивала его.

— Ты же будешь солдатом! — говорила она. — Разве подобает солдату бояться?

По рассказам сестры Кемал Макбуле, ее брат с детства увлекался всем, что было связано с армией, очень интересовался оружием.

Да, это было так, однако расстроенная до глубины мать души, ответила решительным отказом.

Но... нашла коса на камень, и жестоко завидовавший щеголявшему по городу в форме учеников военной школы сыну их соседа майора Кадри Мустафа упрямо стоял на своем.

— Нашим соседом был майор Хатип, — вспоминал он позже. — Его сын Ахмет учился в военной школе, носил форму этой школы. Мне хотелось быть одетым, как он. Я часто встречал офицеров на улицах и понял, что должен пойти в военную школу, чтобы стать таким, как они...

Невзлюбивший мусульманское одеяние, мальчик страстно мечтал о том счастливом для него дне, когда и он наденет на себя военный мундир.

Вторил ему и Хуссейн-ага.

— Ты же сама видишь, — убеждал он сестру, — что с его раздражительностью и вспыльчивостью из него никогда не получится коммерсант и уж тем более духовное лицо! А в военном училище и учат хорошо, и дисциплина строгая, да и будущее его будет обеспечено! Почему ты упрямишься?

Но Зюбейде-ханым только качала головой.

Да, все так, и учили в военных училищах хорошо, и дисциплина была в них строгая, и будущее офицера в Османской империи было обеспечено.

Но любое военное училище в ее глазах являло собой не только светлый храм знаний, но и самый настоящий вертеп, где курсантов учили не только наукам, но и всем существовавшим на свете порокам.

И только при одной мысли, что ее любимый Мустафа будет служить этим порокам, ей становилось не по себе.

К тому же султанская армия постоянно воевала, и сына могли просто-напросто убить, и напуганная столь страшными для нее перспективами мать упрямо стояла на своем.

Все, что угодно, но никогда ее милый Мустафа не будет офицером.

Не пожелавший уступать маленький волчонок снова показал свои острые зубки и 12 марта 1993 года поступил в подготовительную военную школу в Салониках без согласия матери.

Стал ли Кемаль военным только из-за престижа военного мундира?

Подобный вопрос кажется упрощенным.

Да, сделать карьеру на государственной службе было мечтой каждого османа, а армия

давала такой шанс.

В былые времена империя увенчала себя славой военных завоеваний, а в конце XVII века, когда побед стало меньше, реформаторы, в первую очередь, занялись преобразованием армии.

Обновленные, зачастую с помощью иностранных консультантов, и освобожденные от социальных предрассудков, офицерские школы превратились в передовые учреждения империи.

Стать пашой (генералом), офицером, или военным врачом мечтали многие мальчишки.

И все же, как ни велика была тяга ребят к так выгодно отличавшейся от мусульманских одежд военной форме, решающую роль в их выборе играла все же не она.

Стремление защищать родину молодое поколение тех трудных для империи лет впитывало с молоком матери.

Именно Македония больше других областей страдала от военных угроз, и будущие офицеры с младых ногтей попадали в обстановку, где слово «патриотизм» было далеко не пустым звуком.

Далеко не последнюю роль играло и честолюбие.

Именно амбиции вместе с врожденным в каждом из них морлодых людей инстинктом самосохранения и патриотизмом заставляли многих юношей становиться офицерами.

Не обходилось и без романтики.

Другое дело, что не всем удавалось достичь на этом славном поприще тех вершин, какие было суждено покорить самому Мустафе.

Но, с другой стороны, сложно себе представить, что десятилетний Мустафа мечтал о карьере.

Какой бы скудной ни была информация о детстве и юности Кемалья, можно предположить, что его стремление стать военным было продиктовано желанием носить красивую форму и самой обыкновенной романтикой.

Ведь армия — это война, а, значит, слава.

Зная упрямство Мустафы можно было не сомневаться в том, что он переступил бы через любую посмертную волю отца, если бы она шла вразрез с его собственными устремлениями.

«Взрослея, — скажет Кемаль в 1926 году, — я всегда предпочитал быть самостоятельным...

Тот, кто живет в семье, прекрасно знает, что постоянно находится под присмотром близких, впрочем, бескорыстным и очень откровенным.

Тогда оказываешься перед дилеммой: или повиноваться, или совершенно не считаться с их мнением и советами.

На мой взгляд, и то, и другое плохо».

Думается, что вряд ли подобное признание соответствовало истине.

Где-где, а в военных училищах с их палочной дисциплиной никто самостоятельным не был.

Хотя кто знает!

Вполне возможно, Мустафа воспринимал подчинение воспитателям-офицерам как должное и не желал слушаться мать.

Конечно, та знала о той непостижимой легкости, с какой Кемаль сдал экзамены, и... продолжала оплакивать потерянного, как ей казалось, навсегда сына.

Но стоило ей только увидеть Мустафу в так идущей ему военной форме, как она, мгновенно позабыв все свои опасения, с неподдельным восхищением воскликнула:

— О, мой маленький паша!

Лед тронулся, и с этой минуты Зюбейде-ханым ни о какой другой карьере для своего «маленького паша» не помышляла.

Утешало ее и то, что трое сыновей ее родственников — Салих, Нури и Фуад Булджа — тоже решили посвятить свою жизнь служению в армии.

Для самого Мустафы наступили суровые после безмятежной и вольной жизни на природе времена.

И не знавшему дома, что такое «надо» и «нельзя», ему приходилось терпеть.

Но подобные мелочи не огорчали мальчика.

Он учился, а все остальное мало волновало его.

И уже тогда он мечтал о будущем.

Рюшдие была только первой ступенью среднего военного образования, после которой предстояла учеба в военном лицее, а затем и в Харбие, как называлась высшая военная школа.

Попасть в нее было нелегко: если средних военных училищ в Турции хватало, лицеев насчитывалось всего семь, а столичная Харбие была только одна.

И учиться в ней было верхом мечтаний любого курсанта, поскольку наиболее способные ее ученики, получив лейтенантский чин, зачислялись в классы генерального штаба, откуда выходили в чине капитана.

Эти офицеры являли собою армейскую номенклатуру, с уже обеспеченной карьерой, и Мустафа решил во что бы то ни стало войти в офицерскую элиту империи.

Благо, что все предпосылки у него для этого были.

Сразу начав выделяться среди сверстников, он прекрасно успевал по всем предметам, но особое предпочтение отдавал французскому языку и математике.

И уже тогда в нем стало заметно стремление к лидерству везде и во всем.

Асаф Илбай, который был другом детства Мустафы Кемалю, вспоминал, что он не очень любил участвовать в дворовых играх, а больше сидел и наблюдал за тем, как играют его товарищи.

Однажды Асаф Илбай и другие ребята все же уговорили Мустафу поиграть с ними, но узнав правила игры, Мустафа наотрез отказался поклониться, чтобы через него могли перепрыгнуть другие.

— Я, — сказал он, — не буду кланяться, если кто-то хочет перепрыгнуть через меня, пусть прыгает так...

Еще рассказывают, что как-то раз в начальной школе на уроке физкультуры Мустафа участвовал в соревнованиях по бегу.

Победитель включался в список участников межшкольных соревнований. Мустафа, победив в первом туре, лидировал во втором, как вдруг увидел на обочине маленькую раненую птицу, которая пыталась взлететь.

Мустафа остановился и взял ее в руки.

В том туре он пришел последним, но было невероятно счастлив оттого, что спас птицу.

И тогда ученик, который пришел первым, сказал:

— Мустафа остановился, чтобы спасти птичку, на самом деле он бежит быстрее меня и лучше представит нашу школу.

Учитель объявил победителем Мустафу, который в межшкольном соревновании завоевал для своей школы победный Кубок.

Проявлял он свои недюжинные способности и вне школы и часто становился победителем всевозможных математических конкурсов, организованных «Руководством для детей».

Тогда же в его жизни произошло знаменательное событие.

Дабы не путаться, учитель математики, Мустафа Сабри, предложил ему взять второе имя — Кемаль.

Гордый от сознания того, что ему предлагают получить имя, означавшее на арабском языке «зрелость» и «совершенство», он с радостью согласился и очень быстро оправдал его, получив сержантское звание и став старостой класса.

Он намного превосходил знаниями математики других учеников, и со временем преподаватель стал поручать ему проведение репетиторских занятий с одноклассниками.

Вот тогда все с некоторым удивлением увидели совсем другого Кемалья: нетерпимого к чужим слабостям и требовательного.

Его властный и вспыльчивый характер не нравился никому, но, как только его пытались поставить на место, он начинал говорить о своем особом предназначении.

Конечно, над ним смеялись, но Кемаль только презрительно морщился и продолжал пребывать в своем, как тогда многим казалось, весьма неприятном для него заблуждении.

Было ли это убеждение Кемалья заблуждением?

Как показала жизнь, нет, не было.

— Человек, не осознавший свое назначение, — говорил Конфуций, — не может считаться великим человеком.

Кемаль осознал, и теперь ему предстояло на собственном опыте осознать всю правоту и другого выражения Конфуция: «В жизни нет ничего важнее, чем исполнить предначертанное, и нет ничего более трудного...»

Доставалось от него и учителям.

Он не признавал никаких авторитетов и всегда оставался при своем мнении.

Наиболее ярко его нежелание оставаться на вторых ролях проявилось во время второго замужества матери, вышедшей замуж за служащего салоникского отделения французской табачной концессии «Режи» Рагыба-эфенди.

Конечно, будь Кемаль постарше, он понял бы жившую на скромные подаяния родственников и смертельно уставшую от нищеты мать и без особого насилия над собой смирился бы с

появлением в своем доме нового папы.

Но куда там!

Самолюбие его было болезненно задето, и в знак протеста он... решил оставить родительский дом.

Да и что ему было делать там, где теперь первую скрипку играл другой мужчина?

И, несмотря на отчаянные попытки испытывающей несказанные страдания матери объяснить сыну неизбежность подобного шага, лед между ними тоньше не становился.

Никто не мог убедить Кемаля играть второстепенные роли, и, озлобленный на весь мир, он с мрачной решимостью говорил ничего не понимавшим в его странном поведении однокашникам:

— Они еще узнают, кем я буду!

Пребывая в те трудные для себя дни далеко не в самом лучшем расположении духа, он ссорился со всеми, кто только подворачивался ему под руку, и, обрекая себя на полное одиночество, продолжал жить обособленной от всех жизнью.

Да и зачем ему был кто-то нужен, если у него были книги и любимая математика.

А когда надоедало читать, он отправлялся гулять по Салоникам, любуясь великолепными памятниками римской и византийской архитектуры.

Это был крупный по тем временам город с

населением более 150 тысяч человек, и большую часть его составляли бежавшие сюда еще в конце XV века из Испании от гонений Великого инквизитора Торквемады евреи.

Значительными по численности были общины греков и болгар.

Турок было всего 14 тысяч, приблизительно столько же было других мусульман: албанцев и так называемых дёнме — обращенных в ислам евреев.

И к великому удивлению Кемалья, те самые турки, к которым принадлежал и он сам, не только не процветали в Салониках, а находились в них на положении униженных и оскорбленных.

Разница была во всем.

В одежде, в жилищах, в манере вести себя.

И, попадая из центра города с его великолепной набережной, европейскими отелями и утопавшими в зелени особняками иностранцев в районы живших на окраинах мусульман, Кемаль видел огромную разницу.

Он с тоской смотрел на закутанных в паранджу женщин, однообразно и серо одетых мужчин и никак не мог понять, почему же и они не могут жить той же радостной и красивой жизнью, которая царила в немусульманских районах города.

Но еще больше поражало его презрение, с каким иностранцы обращались с его соотечественниками, унижая их везде, где только

было можно.

Любой чиновник входил во дворец губернатора как на завоеванную территорию и всегда добивался того, чего хотел.

Кемаль с недоумением и обидой наблюдал за тем, как простой консульский курьер своей длинной палкой преграждал путь турецкому должностному лицу.

А что творилось в гавани, куда безо всякого на то разрешения заходили иностранные корабли и матросы с видом победителей разгуливали по городу.

Особенно безобразные сцены разыгрывались по вечерам, когда основательно подогретые вином иностранные моряки шатались по городу, задирая прохожих и приставая к женщинам.

И странное дело!

Все эти оскорбления Кемаль воспринимал так, словно они были направлены против него.

Однажды какой-то полупьяный матрос дал не успевшему уступить ему дорогу пожилому турку пощечину.

Кемаль не выдержал и кинулся на него.

От страшной расправы его спасло только чудо, поскольку с трудом сохранявший равновесие «морской волк» просто не смог догнать его.

Целый вечер бродил он по берегу моря, в сотый раз задаваясь вопросом, почему эти лощеные

иноземцы ведут себя как победители и ни у кого из его соотечественников не возникает желания дать им достойный отпор.

Разве не достойны лучшей жизни они, завоевавшие пол-Европы и Африку?

Так почему же они пресмыкаются перед всеми этими французами и англичанами?

Кемаль вернулся в училище в плохом настроении, а потом целую неделю не выходил в город.

Надо полагать, что дело было не в какой-то особой его слабости и ранимости.

По всей видимости, в Кемале было нечто, идущее сверху, что каждый раз заставляло его душу болезненно сжиматься от обиды за таких же турок, каким он был и сам.

И это нечто усиливалось жившим в нем тем самым чувством высшей справедливости, которое заставляло его еще в школе всегда заступаться за слабых и беззащитных.

Возможно, именно тогда в наполненной обидой душе появлялись и крепи первые ростки того самого чувства, которое и принято называть национальным самосознанием.

Унижение себе подобных всегда порождает в душах избранных желание избавить их от этих страданий.

Да и в самом сострадании изначально

заложена великая истина тайного знания, так или иначе освещавшего внутренний мир такого избранного.

И именно это тайное знание, в конце концов, зажигает в душах великих тот самый костер, который рано или поздно сжигает окружавшие их ветхие формы, а рождающаяся при этом мудрость постепенно складывает пока еще смутные контуры будущей жизни.

— Боль на кончине пальца чувствуется во всем теле, — говорил сам Кемаль, и эта фраза объясняет многое...

Глава II

Когда учеба в рюшдие подошла к концу, Кемаль еще раз больно ударил по чувствам матери.

Несмотря на то, что в Салониках имелся прекрасный военный лицей, он в 1996 году поступил в военную школу в находившемся на западной границе империи захолустном городишке Монастире.

Лепившийся по склонам гор провинциальный городишко из серого камня не шел ни в какое сравнение с великолепными Салониками.

И, тем не менее, Монастир был важным торговым, административным и военным центром.

Население имевшего около шестидесяти

мечетей городка приближалось к 40 тысячам человек, и жившие в нем мусульмане в большинстве своем имели албанское и славянское происхождение.

Хватало в нем и занимавшихся торговлей греков.

Чего в городе не было, так это спокойствия, и расположенным здесь воинским частям то и дело приходилось сталкиваться с постоянно возмущенными болгарскими, македонскими, сербскими и греческими националистами.

А вот сама школа Кемалю понравилась.

Для полноценной учебы в ней были созданы все условия, и он справедливо считался самым передовым учебным заведением подобного типа во всей Османской империи.

Пройдут годы, и Мустафа Кемаль с большой теплотой будет вспоминать уроки истории, которые вел майор Мехмед Тевфик-бей.

А преподавать историю в те времена было в высшей степени опасно, поскольку империя переживала самое тяжелое время в своей истории.

Никто, включая даже самых высокопоставленных чиновников, не был защищен в ней от насилий, утраты имущества, свободы, а нередко и самой жизни.

Люди исчезали ночью, и не всегда было даже понятно, за что их брали.

В министерствах и ведомствах ряды чиновников редели буквально на глазах, а многие молодые офицеры армии и флота заплатили за свои либеральные убеждения жизнью.

Десятки, если не сотни тысяч султанских шпионов работали в армии, учебных учреждениях, в чиновничьих палатах и даже в семьях, и на основании их доносов султан каждый день отдавал приказы об арестах, ссылках и тайных убийствах.

«Темные улицы застыли от страха, — описывал в своих мемуарах известный писатель Халид Зия те страшные времена. — Чтобы перейти из одной части города в другую, нужна большая смелость...

Шпионы, шпионы, шпионы...

Все без разбора боялись друг друга: отцы — детей, мужья — жен.

Открытых главарей сыска уже знали, и при виде одних их теней головы всех уходили в плечи, и все старались куда-нибудь укрыться...»

И при страдавшем маниакальной подозрительностью султане иначе не могло и быть.

Спрятавшись в своем дворце, он постоянно менял здания и комнаты, отведенные ему для сна.

Абдул Хамид спускал курок при каждом подозрительном шорохе, и нередко его выстрелы попадали в слуг и идущих к нему на прием чиновников.

В своей подозрительности султан дошел до того, что даже на территории дворца его сопровождала целая армия телохранителей, а сам дворец был окружен войсковыми казармами с особо преданными ему частями.

Из своего добровольного заточения Абдул Хамид выходил только по пятницам, когда ездил молиться в Святую Софию.

Но, увы, Тевфик-бей боялся говорить со своим учеником на тему, которая могла стоить ему головы...

Как и многие его сверстники, юный Кемаль не имел представления и о десятой доли того, что творилось в стране, и не питал к султану ни малейшей злобы.

Да и откуда ей взяться, этой самой злобе, если сам великий Намык Кемаль и не думал посягать на престол и боролся только с ненавистными ему чиновниками!

Наряду с математикой и историей Кемаль увлекся риторикой и часами упражнялся в ораторском искусстве.

Эти занятия не пройдут для него даром, и он всегда будет поражать аудиторию прекрасным изложением своих мыслей, говоря по несколько часов подряд и не пользуясь конспектами.

А это, что бы там ни говорили, показатель!

Как и в каждом учебном заведении, в школе существовало несколько борющихся между собой за лидерство группировок.

Одну из них — салоникскую — возглавлял сам Кемаль.

Выяснения отношений между ребятами зачастую кончались кровавыми разборками, и однажды только чудо спасло Кемалья от верной смерти.

Он проснулся в тот самый момент, когда один из обиженных им накануне ребят уже занес над ним нож.

Еще немного — и... никому и никогда не понадобилось бы писать подобную книгу.

Но все кончилось благополучно.

Увидев, что его обидчик проснулся, парень бросил нож и убежал.

Конечно, стычки продолжались и позже, однако Кемаль довольно жестоко пресекал любые попытки других группировок посягать на его власть.

И, глядя на то, с какой яростью он отстаивал свое первенство, можно было подумать, что он взял на вооружение провозглашенный много веков назад Ганнибалом принцип: «Умри, но завоюй!»

Тем не менее, в школе у него было много приятелей, но особенно близко он сошелся только с Омером Наджи, Али Фетхи и Кязымом.

Переведенный из Бурсы за какие-то неблагоприятные проступки Омер Наджи станет видным трибуном «Единения и прогресса», примет активное участие в революционном движении в Иране, будет там арестован и приговорен к смерти.

И только с большим трудом правительству удастся добиться освобождения отчаянного Омера.

Он и умрет как самый настоящий поэт в 1915 году в том же Иране, где попытается поднять на борьбу с Союзниками местные племена.

И именно он познакомил Кемаля с новой турецкой литературой, возникшей под влиянием Танзимата, как стали называть прогрессивные реформы середины XIX века, и борьбы новых османов за конституцию.

Рискуя многим, Омер Наджи давал Кемалю читать запрещенные стихи Ибрагима Шинаси, Зи-и-паши и Намыка Кемаля, который стал к тому времени властителем дум молодого поколения.

Я милостей чьих-то не клянчу и крыльев чужих не прошу.

Я сам в своем небе летаю, и светит мне собственный свет!

Ярмом мне шею сдавили, оно тяжелее, чем цепи раба.

Я мыслью вольный, и разумом вольный,
И совестью вольный поэт!

Читая эти строки Тевфика Фикрета, лишний раз убеждаешься в том, что большие поэты страшнее десятков философов, исписывавших сотни страниц, чтобы выразить одну простую мысль.

«Я сам в своем небе летаю, и светит мне собственный свет!»

Лучше не скажешь...

Свободолюбивые идеи падали на благодатную почву, и стремление к познанию мира, желание жить красивой и светлой жизнью переполняло душу романтически настроенного Кемалья.

И если Ибрагим Шинаси и Зия-паша лишний раз убедили Мустафу в том, что без образования и европейской цивилизации невозможно стать настоящим человеком, то у Намыка Кемалья он нашел то, о чем пока только смутно догадывался.

Воспеваемые мятежным поэтом идеи родины, нации и пусть пока еще и не национального турецкого, а османского патриотизма находили горячий отклик в душе юноши.

Восхищенный глубиной и в то же время простотой изложения Кемаль заучивал наизусть стихотворения знаменитого поэта и повторял несколько патетические и грубоватые слова Намыка Кемалья:

— Пусть придут, соберутся все силы, любые превратности рока, низкой шлюхой я буду, если нацию брошу и с пути ее вспять возвращусь...

По большому счету эти стихи стали для Кемалья той самой клятвой, от которой он в течение всей своей жизни не отступил ни на йоту.

А ведь против него собирались могучие силы, да и рок был не всегда на его стороне.

Тем не менее, Кемаль и не думал возвращаться «вспять» с того усеянного шипами и терниями пути, по какому он привел нацию к независимости.

Он настолько увлекся стихами, что стал их писать сам.

Однако один из преподавателей школы быстро остудил его пыл, заметив, что писание стихов недостойно офицера.

Музы музами, но военная карьера — прежде всего.

Другой приятель Кемалья, Али Фетхи, был на год старше его.

Происходивший из родовой и обеспеченной семьи, этот красивый юноша был хорошо воспитан и прекрасно владел французским языком.

Он исправно учился военному делу, но куда больше его привлекали абстрактные науки.

Именно от Али Фетхи Кемаль впервые услышал знаменитые на весь мир имена Вольтера,

Руссо, Монтескье и Огюста Конта.

Начиная, по его собственным словам, «кое-что понимать в политике», он часами говорил с приятелем о Великой французской революции и ее идеалах.

Эти беседы, а нередко и споры заставили Кемалья обратить особое внимание не только на французский язык, но и на историю республиканской Франции.

Что же касается третьего приятеля, Кязыма, то никакими особыми талантами сей молодой человек не блистал, а если чем и отличался, так это только своей невероятной преданностью Кемалю.

Нельзя не сказать еще об одном однокашнике Кемалья, который на долгие годы станет его злым гением.

Будущий правитель Турции Энвер-паша был ровесником Кемалья, но учился двумя годами старше, и молодые люди прекрасно ладили между собой

Именно с этими ребятами Кемаль проводил все свое свободное время, и чаще всего они отправлялись в кафе, где подолгу беседовали на самые различные темы и играли в трик-трак.

Кемаль оказался азартным игроком и не любил проигрывать.

Увлечение поэзией не прошло для Кемалья

бесследно.

Война с Грецией вызвала у него необыкновенный патриотизм, и он решил отправиться на фронт.

И вряд ли мать, к которой он заехал по дороге, сумела бы отговорить его от этой безумной затеи, если бы так своевременно не закончилась война.

Греческая армия была разбита, и Кемаль ликовал так, словно сам принимал участие в сражениях.

Дорога на Афины была открыта, и газеты на все лады славил армию.

Но, увы, победная эйфория длилась недолго.

Подобный исход пришелся не по нраву западным странам, и они быстро указали воспрянувшей духом империи на ее место, заставив подписать совершенно ей ненужное перемирие.

Вместе с другими учениками Кемаль не мог скрыть своего недоумения.

Как же так, вопрошал он!

Его родину унизили в глазах всего мира, и она покорно проглотила обиду!

Наряду с этим законным недоумением в нем появилось и недоверие к управлявшим страной людям.

В значительной степени оно подогревалось молодыми офицерами из стоявших в Монастыре частей, имевшими все причины быть недовольными

существующим режимом, опорой которого являлись крупные феодалы, вожди племен, высшее мусульманское духовенство и бюрократия.

Образованность любого человека рассматривалась как первый признак его политической неблагонадежности.

Среди османских министров не было ни одного человека с высшим образованием, а в армии предпочтение отдавалось выслужившимся из унтеров невеждам.

Конечно, Кемаль еще не мог понимать всего зла, какое являла для страны абсолютная султанская власть, и всю вину за свалившиеся на империю беды возлагал на ее высших чиновников и министров.

«Наши преподаватели, вспоминал он, — заявили нам, что мы можем оккупировать всю Грецию.

Но когда новость о перемирии дошла до нас, курсанты испытали глубокое разочарование.

Но мы не могли задавать вопросов.

Только мой друг Нури рассказал мне, как один молодой офицер плакал, заявляя, что всё происшедшее печально.

Тем не менее, на улицах Манастира была организована радостная манифестация и снова раздавались крики: «Да здравствует султан!»

Впервые я не присоединился к подобному

пожеланию».

На этот раз Кемаль не был единственным, кто сомневался.

Нежелание Кемаля славить султана говорило о многом, и, в первую очередь, о том, что он стал серьезно задумываться о настоящем и будущем страны.

И смотрел он на это настоящее, судя по всему, уже без розовых очков.

Кемаль быстро вырослел.

Изменилось и его отношение к матери.

Обида стерлась, а отчим оказался веселым и добрым человеком.

И он очень переживал, когда в начале девяностых годов от туберкулеза умерла родившаяся в 1889 году его маленькая сестренка Наклийе.

После примирения с матерью Кемаль все свои каникулы проводил в Салониках, где и познал свою первую любовь.

Ею оказалась дочь военного коменданта Салоник Шевки-паши Эмине.

Расстался с нею Кемаль только после поступления в Харбие.

— Если бы ты только знала, — глядя в грустные и полные любви глаза девушки, говорил он, — как мне тяжело расставаться с тобой! Но я

клянусь тебе, что никогда не забуду тебя, и надеюсь на тебя!

И как вспоминала затем сама Эмине, Кемаль часто виделся с нею и даже хотел жениться на ней.

Да и сам Кемаль не забыл свою первую любовь и много лет спустя, слушая в своей президентской резиденции в Чанкайя песню «Моя Эмине», был тронут воспоминаниями юности.

Как-то с несказанной грустью он заметил, что в сердце каждого мужчины живет своя Эмине...

Правда, в другой раз он говорил о том, что его первой любовью была молодая гречанка из Салоник, которую он намеревался увезти с собой в Монастырь, и только его дядя Хуссейн-ага отговорил его от этой безумной затеи.

И надо ли говорить, как боялась за него уже познавшая властный характер сына мать.

Впрочем, она быстро успокоилась: несмотря на все свои увлечения, Кемаль не собирался жениться, и все его мысли были заняты военной карьерой.

Но главное в его отношении к женщинам проявилось уже тогда.

Ему нравилось вызывать у них восхищение и оказывать покровительство, но он совершенно не терпел от них ни требований, ни тем более нравочений.

Во время одного из отпусков он познакомился

с дочерью брата отчима полковника Хюсаметтина Фикрие, в чьей судьбе ему было суждено сыграть столь трагическую роль.

Но куда более печальным было увлечение Кемалья посещать увеселительные заведения и под негромкую музыку потягивать вино, заедая его мезе, как называлась дешевая закуска.

Закончив пить, красивые девушки присаживались за столик к молодым людям, и те угощали их вином.

Ловя на себе их призывные взгляды, Кемаль ощущал, как его с головы до ног окатывала сладостная волна желания.

К счастью для него, посещения зланных заведений пока еще не сказывались на его успехах, и осенью 1898 года он блестяще сдал выпускные экзамены, став четвертым по успеваемости.

Это был настоящий успех, и счастливый Кемаль поспешил в Салоники, где его с нетерпением ожидали любящая мать и дружелюбно настроенный к нему отчим.

Устроенная ими встреча превзошла все его ожидания.

Мать, отчим, сестра ловили каждое произнесенное им слово и спешили исполнить любое его желание.

Тем не менее, Зюбейде-ханым продолжала

видеть в нем все еще маленького мальчика и, даже не замечая, как каждый раз хмурился недовольный ее нравоучениями Кемаль, постоянно делала ему замечания.

Не пожелав обострять отношения с матерью, он стал чаще уходить из дому.

— Есть два пути общения с родственниками, — говорил он, — либо вы полностью подчиняетесь им, либо не обращаете на них внимания. Я не хотел ни слушать мать, ни тем более ссориться с нею, дабы лишний раз не расстраивать ее. А потому и предпочитал проводить дома как можно меньше времени...

Матери не нравилось его постоянное отсутствие.

Но Кемаль жил уже своей жизнью, независимой ни от чьего желания.

— С ранних лет, — говорил он позже, — я не любил жить ни с матерью, ни с сестрой, ни с друзьями. Я всегда предпочитал быть одиноким и независимым...

Кемалю не сиделось дома, и вместе с верным Фуадом Булджой целыми днями пропадал в кафешантах и рестораниках.

Глава III

Веселая жизнь не помешала ему успешно

окончить лицей, и 13 марта 1899 года Кемаль поступил в Оттоманский военный колледж — высшее военное училище — Харбие.

Стамбул поразил Кемалья своим блеском и великолепием.

Как замороженный, бродил он по древнему городу.

Великолепные дома, старинные дворцы, роскошные виллы и магазины, элегантно одетые мужчины и красивые женщины, — все радовало глаз молодого человека и возбуждало воображение.

А сколько здесь было развлечений!

Кабачки, рестораны, кафешантаны с их веселой музыкой, блеском огней и никогда не бывающими грустными красивыми девушками.

Ему очень нравилось подниматься на знаменитую Галатскую башню и оттуда подолгу смотреть на распростертый внизу город и горевшее бирюзой и малахитом Мраморное море.

А чего стоил великолепный Босфор с утопающими в густой зелени роскошными виллами и дворцами.

В глубокой задумчивости бродил Кемаль по берегу, где каждое дерево и каждый камень были свидетелями многих исторических событий.

Да, в Стамбуле было от чего закружиться голове.

И она действительно кружилась у Кемалья от

бившего со всех сторон великолепия.

Но стоило ему только оказаться в мусульманских районах города, как все его оживление исчезало.

И без того безрадостный пейзаж казался еще более унылым из-за совершенно одинаково одетых мужчин и прятавшихся за паранджой женщин.

Извечное противопоставление Востока и Запада здесь было явно не в пользу последнего, и Кемаль продолжал задаваться мучившим его еще в Салониках вопросом о том, почему же турки вынуждены жить какой-то совершенно другой жизнью, даже отдаленно не напоминая ту блестящую жизнь, какую он мог наблюдать в Пера.

Разве они хуже всех этих французов, англичан и немцев?

Разве не доказали они, славные потомки великого Эртогрула, свою силу и мощь на полях сражений?

Доказали, и не раз!

Тогда в чем же дело и кто виноват в той пропасти, которая разделяла, по сути дела, один и тот же город?

Это были трудные вопросы для молодого человека, и однажды в кафе, где Кемаль любил бывать, какой-то подвыпивший преподаватель истории весьма доходчиво объяснил ему, что вся беда была в капитуляциях и в ашаре.

Что такое капитуляции?

Своего рода «хартии», жалуемые могущественными турецкими султанами в пользу разрозненных и слабых европейских стран.

И первая из них, дарованная Западу самим Сулейманом Великолепным, выглядела скорее подачкой с барского стола.

А затем пошло-поехало!

И теперь в Османской империи процветал кто угодно, но только не ее коренное население.

Да и как можно было соперничать с иноземцами, не только свободными от османских законов, но освобожденными от налогов и таможенных пошлин?

Преподаватель сделал несколько больших глотков вина, и в следующую минуту Кемаль услышал небольшую лекцию по сельскому хозяйству.

Как он узнал, ашар взымался натурой при посредстве откупщиков, и до его уплаты крестьянин не имел права даже прикасаться к своему урожаю.

И хотя официально ашар составлял около двенадцати процентов от всего урожая, откупщики в результате всевозможных махинаций доводили его размер чуть ли не до половины.

Заплатив ашар и другие налоги, крестьянин оставался с одной третью своего урожая.

Да и тот чаще всего принадлежал ростовщику, и таким образом турецкое крестьянство постоянно было обречено на нищету.

И где уж там говорить о какой-то его заинтересованности в расширении своего убогого хозяйства и повышении производительности труда!

Преподаватель замолчал и, расстроенный нарисованной им печальной картиной, снова потянулся к вину.

Выпив, он с наслаждением закурил.

Выпустив огромный клуб дыма, на какие-то секунды закрывшего лицо, он горестно усмехнулся и сказал:

— И до тех пор, пока мы не...

Неожиданно для Кемалья он осекся на слове и, встав из-за стола, быстро пошел прочь.

За ним двинулся сидевший за соседним столом неприметный человек.

Кемаль грустно вздохнул.

Судя по всему, не в меру разговорившийся преподаватель прочитал свою последнюю в жизни лекцию...

Конечно, этот преподаватель истории мог бы рассказать внимательно слушавшему его молодому человеку куда более интересные и глубокие вещи.

Ведь дело было не только в действительно наносивших огромный вред турецкой экономике капитуляциях и ашаре.

Османская империя оказалась в стороне от мирового капиталистического развития, а значит, была обречена на отставание.

И даже если бы это было не так, весьма сложно представить себе, как ее правители обеспечили бы равное развитие всех ее частей.

Единственное, на что оказались способны ее правители, так это только затянуть агонию с помощью всевозможных реформ.

И они затянули ее.

Так потерпевшие кораблекрушение матросы в отчаянной надежде спастись цепляются за обломки своего совсем еще недавно красавца фрегата.

Но вот налетает девятый вал, и... все кончено.

Как и море, история не знает пощады...

Начались занятия, и Кемаль сразу почувствовал разницу между предыдущими школами.

Дисциплина в Харбие царилла строжайшая, и нередко сержанты били нерадивых учеников.

Как и повсюду, в Харбие следили буквально за каждым шагом кадетов.

Газет молодым людям не давали, а книги разрешали читать только после тщательного отбора.

Большое внимание уделялось религии, алкоголь был строжайше запрещен.

Кемаль был назначен сержантом и, раз и навсегда уверовав в свои и на самом деле блестящие способности, презрева все запреты, с головой окунулся в веселую столичную жизнь.

Часто он засиживался за карточным столом и только под утро вспоминал, что надо спешить на занятия.

Но странное дело — бессонные ночи с вином и картами совершенно не сказывались на нем, и когда он появлялся на занятиях, то выглядел так, словно превосходно выспался.

Его выносливость изумляла многих, и там, где другие валялись от усталости, Кемаль продолжал как ни в чем не бывало восседать за накрытым столом.

Чаще всего он делил компанию с Али Фетхи, Кязымом и Нури.

Обрел он новых друзей и в Стамбуле, и среди них выделялся уже тогда безоговорочно признававший его лидерство Мехмет Ариф.

Вместе со своим кумиром он пройдет славный путь борьбы за независимость, но потом их пути разойдутся с весьма трагическими для Арифа последствиями.

Другим приятелем Кемалья стал сын известного генерала Мехмета Эмина-паши Кязым Карабекир.

Но ближе всех он сошелся с Али Фуадом,

красивым молодым человеком высокого роста с мягкими и изысканными манерами.

Он был внуком известного на всю страну маршала Мехмета Али-паши, а его отец Измаил Фазил-паша служил в Генеральном штабе.

Семья Али Фуада была достаточно влиятельной, чтобы заниматься политикой, и достаточно образованной, чтобы иметь собственные взгляды.

Именно эти взгляды и служили причиной весьма медленного продвижения по службе отца Али.

К великой радости Кемалья, его новый приятель не относился к рьяным поклонникам ислама, и они ударились во все тяжкие, проводя все свободное время в кафе и клубах, где покупали вино и закусывали его каштанами и мелким турецким горошком — леблеби.

А в тот самый день, когда они совершили путешествие по Мраморному морю на Принкипо — один из Принцевых островов, куда ссылались неугодные султанам принцы крови, Кемаль впервые попробовал греческую анисовую водку — раки.

Выпив первую рюмку Кемаль, изумленно взглянул на Али Фуада.

— Этот божественный напиток, — произнес он, — может сделать любого пьющего его поэтом!

И он был недалек от истины, поскольку именно в раки черпали свое вдохновение многие османские писатели и поэты.

С той поры «божественный напиток» прочно войдет в жизнь Кемаля и сыграет в ней трагическую роль.

Они часто бывали на островах.

Лунные ночи, близость моря, уже прочно вошедшая в их жизнь раки — все это действовало на молодых людей возбуждающе.

Они читали стихи и часами говорили о будущем страны.

И, надо отдать им должное, они не отделяли ее от своей.

— Несчастен человек, — скажет позже Кемаль, — видящий в собственном «я» единственную цель существования. Совершенно очевидно, что такой человек погибнет как индивидуум...

Очень нравился Кемалю и Алемдаг, живописная лесная местность на западном берегу Босфора, где он вместе с приятелем катался на лошадях и устраивал веселые пикники.

И все же главное для Кемаля в его знакомстве с Али Фуадом заключалось не в веселом и беззаботном времяпровождении и скитаниях по кафе.

Али Фуад ввел Кемаля в свой в высшей

степени аристократический дом на берегу моря в Саладжаке, где тот мог видеть высших офицеров империи.

Общение с офицерской элитой заставило Кемалья взглянуть на себя совсем в ином свете.

На фоне блестящих столичных офицеров молодой курсант казался серым и неловким провинциалом.

Но Кемаль не был бы Кемалем, если бы не постарался встать рядом с этими блестящими офицерами или хотя бы походить на них.

В своем желании стать таким же лощеным и непринужденным, он стал брать уроки танцев у прекрасно вальсировавшего Али Фуада и к окончанию Харбие уже не выглядел серым и неуклюжим увальнем среди блестящих посетителей дома приятеля.

Слушал ли он их весьма фривольные разговоры?

Да, конечно, слушал!

А однажды даже сам заговорил.

— Если все пойдет так, как сейчас, — сказал во время одной из бесед о судьбе старны приглашенный отцом Али Фуада в гости известный бригадный генерал, — то правительство падет, но я не думаю, что оно будет замещено правительством по западному образцу...

— Ваше превосходительство, — неожиданно

для всех ответил ему Кемаль, — созданное по западному образцу правительство придет в свое время. Сегодня большинство возможностей нашей нации находится в дремлющем состоянии. Если в случае революции правящая верхушка будет стремиться, в первую очередь, сохранить свои функции, тогда следует признать, что вы правы. Среди нового поколения есть немало людей, достойных доверия...

После столь насколько неожиданного, настолько и смелого заявления в зале воцарилась тишина.

— Сын мой, — проникновенно произнес тронутый до глубины души генерал, — я вижу, что Исмаил Фазыл (отец Али Фуада) не ошибся в тебе. Теперь я согласен с ним...

Генерал помолчал и добавил:

— Не знаю, к счастью, или нет, — но ты не будешь вести обычную жизнь офицера Генерального штаба, как все мы. Твой блестящий ум и способности будут служить будущему страны. Я вижу в тебе одного из тех молодых людей, которые станут государственными деятелями. Да поможет Аллах, чтобы я оказался прав...

Аллах помог, и генерал оказался прав.

Тем не менее, политические взгляды Кемалья в те годы оставались еще весьма туманными.

Конечно, он был наслышан о деятельности

турецких, болгарских и других революционных организаций в постоянно бурлившей Македонии, но вряд ли мог понимать тогда существовавшую связь между набиравшим все больший размах на его родине четничеством и султанским режимом.

А посему и расценивал волнения в Македонии лишь как результат слабости управлявших Османской империей чиновников.

Да и какие по большому счету у него могли быть в то время взгляды, если он даже толком не знал того, что творилось в его собственной стране.

Да и небезопасно было!

У всех перед глазами стоял печальный пример создавших в 1889 году тайное общество курсантов Военного медицинского училища, моментально отправленных султаном в ссылку.

Страх перед султаном и полнейшее отсутствие свобод делали свое дело, и до поры до времени будущим борцам за свободу оставалось только тайком читать опального Намыка Кемалья и восхищаться Великой французской революцией, перед свершениями которой Кемаль преклонялся всю жизнь.

Оно и понятно!

Ведь именно она дала мощный толчок к созданию французской победоносной армии и отождествлялась у молодых офицеров с маршальскими жезлами и славой Наполеона.

Но если Франция только подогривала воображение молодых офицеров, то Пруссия вызывала восхищение.

И неудивительно!

Ведь им преподавали такие известные специалисты военного дела, как прославившийся своим реформаторским отношением к учебе барон фон дер Гольцц и прошедшие стажировку в Германии полковники Эсат и Хасан Риза.

— Запомните, — постоянно вдалбливал курсантам Риза, — сила немецкой армии — в абсолютной дисциплине!

Кемаль учился с охотой, но частые посещения значных мест сделали свое дело, и после первого курса он оказался по успеваемости только на... двадцать седьмом месте.

И, как не нравилось будущему офицеру бывать в кафе с их непринужденной обстановкой и ласковыми танцовщицами, ему пришлось на время забыть о них.

Самолюбие человека, который везде и всегда стремился быть первым, было задето самым жесточайшим образом, и ему не оставалось ничего другого, как только засучить рукава и приняться за учебу.

На следующий год он был уже одиннадцатым и окончил Харбие восьмым.

Слишком много было потеряно, да и выйти на

первые места оказалось не так-то легко.

В Харбие учились способные ребята, и далеко не случайно один из будущих лидеров войны за Независимость Кязым Карабекир получил кличку Смышленный.

Вместе с долгожданным офицерским званием Кемаль в 1902 году получил направление в классы Генерального штаба.

Вместе с ним его радость разделяли и мать с отчимом, и надо ли говорить, какая гордость светилась в глазах Зюбейде-ханым, когда она шла с одетым в красивую офицерскую форму сыном по своему кварталу.

Да и соседи были восхищены успехами совсем еще недавно мучившего ее своими капризами мальчишки, словно по мановению волшебной палочки превратившегося в стройного и красивого офицера с блестящим, как теперь все понимали, будущим.

И теперь каждый считал своим долгом пригласить Кемалья к себе или оказать ему какую-нибудь услугу.

Конечно, он был польщен и тем не менее делал вид, что не замечает ни почтения взрослых, ни восхищенных взглядов мальчишек и девчонок, ни великой радости в глазах матери.

А та не только окончательно смирилась с

выбранной сыном профессией, но и серьезно полагала, что сам Аллах подтолкнул его на этот путь.

Да и как иначе объяснить его успехи?

Способности, конечно, способностями, но ведь все, что ни делается на земле, делается по воле Всевышнего.

Жалко, конечно, что отец не дожил до этого счастливого дня, ну да... ничего не поделаешь, видно, и на то была воля Аллаха...

Глава IV

И все же пребывание в этих самых классах оказалось для него далеко не таким безмятежным, каким оно представлялось ему в родительском доме.

Едва он приступил к занятиям, как вся империя была взволнована делом приговоренного военным судом к пожизненному заключению маршала Фуад-паши.

Старый вояка никогда не плел интриг и не оказывал никакого вооруженного сопротивления полиции.

Вся вина прозванного за бесстрашие и независимое поведение «неистовым пашой» маршала заключалась только в том, что он был порядочным и независимым человеком.

И мало кто сомневался в том, что таким образом власть пыталась запугать непокорное офицерство.

Офицерам запретили посещать кофейные, а чиновникам бывать без разрешения их начальников на свадьбах и праздниках и ходить друг к другу в гости.

Не обошли запреты и министров, которым было строжайше запрещено собираться вне султанского дворца.

Конечно, все эти озадачившие многих молодых офицеров события наводили Кемаля на определенные размышления, и он все больше убеждался в том, что в их стране что-то не так.

Он стал еще больше читать, благо что в классах можно было достать практически любую запрещенную цензурой литературу.

Поначалу он читал все подряд: от бульварных романов до «Духа законов» Шарля Монтескье и социологических трактатов Джона Милля, но постепенно стал отдавать предпочтение истории.

Особенно военной.

С огромным интересом изучал он жизнеописания выдающихся полководцев, среди которых сразу же стал выделять Наполеона.

Не ослабевал его интерес и к современной турецкой литературе, и наряду с Намыком Кемалем его все больше привлекал выходявший на вершину

своего таланта Тевфик Фикрет.

Только с большой долей условности можно говорить о том, почему человек выбрал тот или иной путь.

Но как показывает жизнь, чаще всего подобное происходит под влиянием какого-то внешнего события.

И как утверждали хорошо знавшие Кемалья люди, для него такими событиями стали восстание в Македонии летом 1903 года и массовая гибель османских солдат и офицеров в Йемене.

Бесцеремонное вмешательство иностранных государств во внутренние дела его родины и массовая гибель его братьев по оружию произвели на Кемалья удручающее впечатление и заставили задуматься о многом.

Подлил масла в огонь и сам Абдул-Хамид.

И дело было уже не в каких-то там демократических и просветительских идеях, а в том самом презренном металле, за который гибли люди на протяжении всей своей истории.

И когда султан в своей попытке уравновесить бюджет значительно сократил чиновничье и офицерское жалованье, он сразу же оттолкнул от себя многих выпускников высших учебных заведений, вынужденных перебиваться от зарплаты до зарплаты.

Офицеры на все лады проклинали высших чиновников, по чьей, как им, во всяком случае, казалось, вине армия влачила самое незавидное существование.

Да и что еще могли чувствовать люди, неспособные прокормить свои семьи и водившие детей и жен в солдатские столовые!

И все же во многом обострение обстановки в империи было связано с появлением на ее политической сцене младотурок, как стали называть вторую волну турецких революционеров.

Созданный ими в 1889 году в Стамбуле тайный политический комитет «Единение и прогресс» выступал за восстановление конституции, проведение буржуазных реформ и замену Абдул-Хамида на «более прогрессивного» султана.

Вскоре почти все члены комитета были арестованы и... выпущены, поскольку даже Абдул Хамид не решился накалять и без того напряженную обстановку в военных училищах.

Стараниями главного идеолога движения Ахмеда Ризы «Единение и прогресс» был восстановлен, и уже летом 1896 года его члены попытались произвести государственный переворот.

Ничего из этого не вышло, и многие из них были арестованы.

Их лидеры бежали за границу, и младотурецкие организации стали возникать во многих крупных городах Европы и даже в Египте.

В начале февраля 1902 года в Париже состоялся первый конгресс младотурок, среди которых были турки, армяне, греки, арабы, албанцы, черкесы, курды и евреи.

В центре внимания стояли два наиболее важных вопроса: о привлечении к участию в движении армии и о возможности использования вмешательства иностранных государств для обеспечения конституционных реформ в Турции.

Сразу же разгорелась жаркая дискуссия, ни о каком единстве взглядов не могло быть и речи, и после конгресса политическая активность расколовшихся на два лагеря младотурок начала снижаться.

Иначе и быть не могло.

Суровые репрессии внутри страны и оторванность неспособной оказывать хоть какое-то заметное влияние на события в стране политической эмиграции сыграли свою роль.

Кемаль не пожелал оставаться в стороне от охвативших страну революционных настроений и создал тайное общество «Родина».

Чтобы лучше понять, какой опасности он подвергался, достаточно еще раз вспомнить о тех «застывших от страха» улицах и всех тех, кто

заплатил за свои либеральные убеждения свободой, а зачастую и самой жизнью.

Тем не менее, Кемаль продолжал свои игры с огнем и стал выпускать бюллетень, в котором со свойственным молодости радикализмом обличал окружавшую их жизнь.

— Мы, — говорил позже Кемаль, — уже начинали понимать, что имеются пороки в управлении страны. Нас охватило страстное желание поведать о нашем открытии, и мы создали рукописную газету. На нашем курсе существовала маленькая организация. Я входил в состав ее руководства и написал большую часть статей для нее...

Его «революционная деятельность» могла закончиться самым печальным образом уже в самом начале, когда в комнату, где Кемаль с двумя приятелями готовил очередной номер газеты, неожиданно вошел начальник классов Риза-паша.

Однако он ограничился лишь отеческим внушением, подвергая тем самым страшной опасности и себя самого: кого-кого, а султанских шпионов хватало и в вверенных ему классах.

Безнаказанно прошла для Кемалья и его весьма опасная по тем глухим временам просьба к преподавателю по тактике прочитать несколько лекций о методах ведения «герильи», как тогда называли партизанскую войну, которую вот уже

столько лет вели против империи болгарские и македонские повстанцы.

Однако тот не только не донес на него, но и посвятил несколько занятий по подготовленному Кемалем плану гипотетических военных действий против партизанских отрядов, нападавших на столицу из Анатолии.

Модная по тем временам революционная настроенность Кемалья, его начитанность, прекрасные знания и склонность к абстрактному мышлению, которую он так блестяще демонстрировал на занятиях по тактике, выделяли его среди остальных учащихся.

Он пользовался на курсах заслуженным уважением у своих однокашников и преподавателей академии.

В то же время в его характере явно просматривались черты, которые вызывали вполне понятную неприязнь к нему.

Он не терпел чужих мнений и замечаний, всегда стоял на своем, а неспособные быстро схватывать суть явлений вызывали у него раздражение и даже гнев.

Все ярче стало проявляться и его желание быть всегда и везде только первым.

Напряженная учеба, издание газеты, руководство «Родиной» и ночные прогулки не проходили даром, и Кемаль постоянно находился в

возбужденном состоянии.

— Во время учебы в классах Генерального штаба, — много лет спустя скажет он своей приемной дочери и верной спутнице последних лет жизни Афет Инан, — мое внутреннее «я» испытывало душевную тревогу. Я постоянно ощущал в себе столкновение чувств, смысл и сущность которых еще не всегда мог понять и которым не мог придать ни положительного, ни отрицательного значения...

Измученный бесконечными мыслями, он почти перестал спать и только под утро впадал в забытие.

— Просыпался я совершенно разбитым, — вспоминал он. — Товарищи, с которыми встречаюсь в классе, гораздо живее меня...

Каково было его отношение к главному виновнику всех бед империи — султану, о котором он в своей газете, несмотря на беспощадную критику высших чиновников, не написал ни слова?

Как это ни странно, снисходительное!

По всей видимости, и Кемаль, и его приятели все еще верили в расхожую у многих народов сказку о «хорошем царе и плохих министрах».

Другое дело, что эта самая вера в хорошего султана слабла у него с каждым днем, и со временем он превратится в глазах Кемалья из такого обманутого нехорошими министрами

владыки в одного из истинных виновников ослабления государства.

Если же он иногда и критиковал Абдул-Хамида, то его выпады носили личный характер, и до отрицания султаната как политической системы ему было еще далеко.

В последний год пребывания в классах с Кемалем приключилась весьма интересная история.

В один прекрасный вечер он вместе с Али Фуадом отправился в давно облюбованное ими кафе и, усевшись за столик, попросил подать виски в бокалах для лимонада.

И можно только представить себе их изумление, когда в кафе появился директор Харбие вместе... с главным шпионом султана Фетхим-пашой и его помощником полковником Гани.

Фетхим-паша попробовал поданный молодым людям «лимонад» и, по достоинству оценив его... пригласил Кемалю и его спутника поужинать с ним в ресторане.

В казарму они вернулись поздно и явно навеселе.

Но когда дежурный офицер узнал, с кем «веселились» его подчиненные, у него сразу же отпала всяческая охота поднимать шум.

О чем Фетхим-паша беседовал в тот памятный

вечер с двумя подозрительными молодыми людьми, так навсегда и осталось тайной.

Ни Али Фуад, ни сам Кемаль никогда не рассказывали о той встрече.

Глава V

В январе 1905 года Кемаль получил звание капитана.

С учебой было покончено, и начиналась новая жизнь — жизнь солдата.

И можно понять охватившее новоиспеченного капитана чувство гордости, когда он облачился в парадную форму офицера Генерального штаба с золотыми эполетами, капитанскими знаками различия на расшитом блестящими галунами высоком воротнике и витыми аксельбантами.

Но, увы, радовался он рано.

Вместе с Али Фуадом его выдал секретный агент Измаил-паши, и, обвиненный в издании подпольной газеты и создании тайной организации, он оказался в тюремной камере.

О многом передумал Кемаль в долгие часы своего заточения.

И только здесь, в тюремной камере, до Кемалья в полной мере дошло то, что, по сути дела, именно так и жили миллионы турок, даже если они и не находились за толстыми тюремными стенами.

Кемаль не был трусливым человеком, но порою ему становилось не по себе.

Да и кто он для облеченного огромной властью Абдул-Хамида?

Так, самая что ни на есть обыкновенная мошка, которую тому ничего не стоит прихлопнуть!

Но не напрасно молила Зюбейде-ханум Всевышнего, услышал тот ее страстные мольбы, и Кемалья выпустили из тюрьмы.

Правда, перед самой «амнистией» он прошел через новое унижение, представ перед самим Измаилом Хаккы-пашой.

Когда Кемалья ввели в комнату, генерал кивком отпустил конвойных и сквозь линзы своих очков в золотой оправе уставился на Кемалья с таким зловещим видом, словно собирался расстрелять его в собственном кабинете.

И расстрелял бы!

Ведь именно в таких типах, как этот Кемаль, он видел вызов всему тому, что было ему так дорого.

Даже не пытаясь скрыть неприязни к молодому человеку, он долго и нудно говорил о том, что великий и мудрый султан сделал все, чтобы он получил прекрасное образование и высокий офицерский чин, а он отплатил своему благодетелю черной неблагодарностью.

И уж кому-кому, а ему, молодому и способному, следовало бы направить все свои помыслы на служение султану и империи, а не на расшатывание ее устоев.

Зачем ему, будущему руководителю турецкой армии, нужны какие-то подозрительные газетенки и стишки давно просившихся на виселицу рифмоплетов, не говоря уже о крамольных речах в присутствии еще не окрепших умов, склонных в силу своей легкомысленности к смуте и неповиновению?

Да и личная жизнь молодого офицера не вызывала у инспектора особого восторга, и на протяжении своей нудной речи он несколько раз упомянул о ресторанах и кафе, в которых так любил бывать Кемаль.

Чего он вообще хочет?

Навсегда похоронить себя в той камере, откуда его только что привели?

Если так, то ему можно пойти навстречу!

Выдержав долгую паузу, Измаил-паша проскрипел, что его величество так бы, наверное, и сделал, если бы Кемаль не был так молод.

И на этот раз он прощает его.

Конечно, у султана были совсем другие виды на его будущее, ему нужны способные люди, но он сам испортил себе карьеру, и теперь, вместо ожидавшей его Македонии, он отправится в Сирию.

Однако во второй раз, зловеще блеснул золотой оправой инспектор, ни на какое снисхождение он пусть не рассчитывает.

И если до его величества дойдет хотя бы малейший слух о его вольнодумии, он сразу же вернется в знакомую ему камеру.

И на этот раз навсегда.

С непроницаемым лицом слушал Кемаль разглагольствования этого чиновника от армии, который еще больше убедил его в том, что именно такие люди и довели некогда могучую и непобедимую империю до того жалкого состояния, в каком она пребывала сейчас.

И чем больше говорил этот человек, тем больше он не нравился Кемалю.

Измаил Хаккы-паша являл собою ярчайший образец тех бюрократов, которых так ненавидел всю свою жизнь Мустафа Кемаль.

И даже голос у него был под стать внешности: неприятный и скрипучий, словно он не говорил, а открывал и закрывал несмазанную и плохо подогнанную дверь.

Услышав о своей ссылке и так и не проронив ни слова, Кемаль щелкнул каблуками и поспешил к Али Фуаду, у которого вместе с Мюфидом Оздешем и отвел душу за бутылкой виски.

На следующий день друзья отправились на австрийском судне в Бейрут, и основательно

подогретый виски Кемаль долго не уходил с палубы.

Да, что там говорить, первые шаги в его капитанской жизни особого оптимизма не вызывали.

— Они оказались, — заметит он позже, — шагами не в жизнь, а в тюрьму...

Что ждало его в Сирии?

Служба в каком-нибудь захолустном гарнизоне или настоящая армейская школа, так необходимая каждому молодому офицеру?

А потом?

Очередное звание, если его, конечно, ему дадут, и новый гарнизон?

И неужели он, испугавшись этого брюзгу в позолоченных очках, больше не будет заниматься еще больше манившей его к себе политикой, которая, как он убедился на собственном опыте, была далеко не игрой, а серьезным и крайне опасным делом?

Кемаль поморщился.

Ну, нет!

И ему надо не бояться всех этих султанских пристяжных, а бороться с ними, чего бы это ему ни стоило.

Бросать политику он не собирался, поскольку только она возводила людей на совершенно иной уровень.

Да и кто бы сейчас помнил того же Наполеона, если бы он так и остался пусть и прославленным, но всего-навсего полководцем?

Конечно, с Наполеоном он себя пока еще не сравнивал, но и в своем высоком предназначении не сомневался...

Глава VI

Встретивший молодых офицеров в Бейруте майор многозначительно улыбнулся:

— Если останетесь здесь, не пожалеете!

И он знал, что говорил.

Столица получившего автономию Ливана представляла собою процветающий город, с прекрасными отелями и нарядными улицами и площадями.

Хватало в нем ресторанов и злачных мест, но особой популярностью у служивших здесь османских офицеров пользовались немецкие пивные.

Однако в Бейруте остался один Али Фуад, хорошо знавший сына командующего Пятой армией, а сам Кемаль отправился в расквартированный в Дамаске Тридцатый кавалерийский полк.

Очень скоро он по достоинству оценил иезуитство сославшего его на позабытые богом и

людьми задворки империи чиновника.

Да и сама служба вызывала у молодого капитана крайнее недоумение, очень скоро сменившееся брезгливостью.

Под высоко поднятым знаменем борьбы за целостность империи его полк попросту грабил племена друзей, якобы посягавших на эту самую целостность.

Однако пока еще верившего в сказки о бунтовавших племенах Кемаля до участия в «боевых операциях» не допускали.

Порядочный и принципиальный капитан не внушал доверия главным мародерам, и они весьма справедливо опасались ненужного им шума.

Первые подозрения относительно этих таинственных «боевых операций» появились у Кемаля после одного из обедов у командира полка.

Увидев ломившийся от кушаний стол, он заявил, что не сможет расплатиться за них.

Ответом ему послужили дружные раскаты хохота, и Кемаль понял, что все эти деликатесы отобраны у арабов.

Брезгливо поморщившись, он покинул собрание.

Однако окончательное прозрение наступило все же после того, как Кемаль сам побывал на очередном «усмирении бунтовщиков».

А когда адъютант командира полка принес

ему его «долю», Кемаль вспылал не на шутку и выгнал удивленного его странным поведением офицера.

Привыкшему к кругу образованных столичных офицеров, ему было трудно понять годами живших в глуши провинциалов.

Кемаль попытался разобраться с мародерами, но все его возмущенные речи так и остались гласом вопиющего в пустыне.

Его окружала глухая стена непонимания, и он с ужасом видел то, во что превратили армию все эти измаил-паши.

Честь офицера, желание послужить отечеству, стремление воспитать настоящих солдат — ничего этого не было и в помине.

Вместо этих святых для каждого настоящего офицера понятий в армии процветали интриги, взяточничество и склоки.

Но когда он решил «просветить» военное министерство и подготовил очередной отчет об «успешно проведенной операции», жандармский подполковник изумленно взглянул на него.

— Да как же можно посылать в столицу этот бред? — с нескрываемой насмешкой спросил он. — Вы совершенно не понимаете того, что нужно султану!

— Возможно, — холодно ответил Кемаль, — зато я уверен в том, что султан обязан знать, какие

люди служат ему!

Недоуменно пожав плечами, жандарм посоветовал составить новый отчет, и Кемаль с нескрываемой брезгливостью ответил, что подобных документов составлять не будет, поскольку это не соответствует его пониманию офицерской чести.

Конечно, ничего нового Кемаль в Сирии не узнал, коррупция давно процветала пышным цветом по всей Османской империи.

Но одно дело — обличать ее в студенческих газетках и совсем другое — столкнуться с нею лицом к лицу!

Недвусмысленное замечание жандарма несколько не поколебало его решимости бороться с набивавшими себе карманы чиновниками.

И кто знает, может быть, именно тогда Кемаль осознал, что для возрождения и процветания любой страны в ней надо установить тот самый железный порядок, при котором чиновники перестанут врать и воровать.

Но то, что безрадостная армейская действительность заставила его задуматься над тем, что же все-таки происходит в стране, несомненно.

В учебных классах Генерального штаба и на пропитанных духом юношеской романтики революционных сходках все выглядело гораздо безобидней.